9/272.

9
272

10

Э. РАДЛОВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ
О
ФИЛОСОФІИ
Н. Н. СТРАХОВА.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и К°». Фонтанка, 95.
1900.

Экз. из пр. М.Н.П.
85

9/272

Э. РАДЛОВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ФИЛОСОФІИ Н. Н. СТРАХОВА.

443/3

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и К°». Фонтанка, 95.
1900.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1896 годъ.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1300993

I.

Въ замѣткѣ о Н. Н. Страховѣ, принадлежащей перу академика К. Н. Бестужева-Рюмина, высказывается вѣрная мысль, что „историкъ литературы, описывая нашу эпоху, отведетъ Н. Н. Страхову самое почетное мѣсто, рядомъ съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Данилевскимъ“. Теперь, конечно, еще нельзя дать полной и безпристрастной оцѣнки дѣятельности покойнаго писателя, но одно уже теперь вполнѣ ясно: благодаря обширному и всестороннему образованію, а также выдающемуся критическому таланту, Н. Н. Страховъ занималъ въ нашей литературѣ совершенно своеобразное положеніе и въ дѣлѣ, напримѣръ, литературной критики не имѣетъ преемника. Необходимо природное дарованіе, воспитанное въ строгой аналитической школѣ, чтобы вышелъ критикъ, равный по силѣ Н. Н. Страхову.

На нижеслѣдующихъ страницахъ мы вовсе не стремимся дать полную оцѣнку Н. Н. Страхова, какъ писателя, а хотимъ лишь отмѣтить нѣкоторыя главныя черты и особенности его мышленія. Полную оцѣнку можетъ дать лишь тотъ, кто совершенно безпристрастно отнесется ко всѣмъ общественнымъ и литературнымъ движеніямъ послѣднихъ сорока лѣтъ — задача невыполнимая для лица, которое хотя отчасти переживало ихъ или участвовало въ нихъ.

Писательская дѣятельность Н. Н. Страхова продолжалась непрерывно съ 1857 года по 1896 г.; 38 лѣтъ, проведенныхъ въ умственномъ трудѣ, сопряженномъ съ большими нравственными потрясеніями, представляютъ сами по себѣ, независимо отъ оцѣнки, предметъ, достойный уваженія. Но къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ теченіи всей своей дѣятельности Страховъ оставался вѣренъ тому направ-

ленію, которое онъ считалъ правильнымъ, которое было сродно его сердцу и навлекло на него много насмѣшекъ, сначала цѣлую травлю, потомъ презрительное замалчиваніе. Все это должно вызвать и въ противникахъ покойнаго признаніе его заслугъ и уваженіе къ его личности, мягкой и симпатичной въ общеніи, лишенной эгоистическихъ чертъ.

Внѣшняя судьба Н. Н. Страхова, то-есть, его отношеніе къ общественнымъ и литературнымъ движеніямъ и отношеніе литераторовъ къ нему, можно объяснить, какъ кажется, слѣдующими обстоятельствами: большія природныя дарованія его успѣли вполнѣ развиться прежде чѣмъ онъ вступилъ на литературное поприще. Н. Н. Страхову, когда онъ выступилъ съ первой своей статьей въ „Свѣточѣ“ 1860 г. „Значеніе Гегелевской философіи въ настоящее время“ было 32 года, слѣдовательно главныя черты его міросозерцанія успѣли уже сложиться. До этого времени Н. Н. Страховъ положилъ основаніе тому солидному научному образованію, которое онъ въ теченіе всей своей жизни пополнялъ, слѣдя за развитіемъ наукъ. Костромская семинарія и главный педагогическій институтъ дали своему питомцу хорошее научное образованіе. Съ 1851 г. по 1857 г. Н. Н. Страховъ продолжалъ заниматься естественными науками и философіей, доказательствомъ чего служитъ его магистерская диссертація, защищенная имъ въ 1857 г. („О костяхъ запястья млекопитающихъ“) и рядъ статей по методологіи естествознанія, вошедшихъ въ составъ книги, вышедшей лишь въ 1865 г. („О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи“. С.-Пб. 1865). Итакъ, Н. Н. Страховъ выступилъ на литературномъ поприщѣ съ отличною подготовкою (научною и философскою) и вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ; отъ природы онъ былъ одаренъ задатками, опредѣлившими мѣсто, которое онъ впослѣдствіи занялъ въ русской журналистикѣ. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что былъ воспитанъ въ патріотическомъ духѣ, что отъ рожденія былъ патріотомъ и имѣлъ „органическое отвращеніе къ нигилизму“, получившему въ шестидесятыхъ годахъ большую силу. Н. Н. Страховъ обладалъ не только большими аналитическими способностями, но сверхъ того и истиннымъ тонко развитымъ художественнымъ вкусомъ, проявившемся въ его мѣткихъ сужденіяхъ о поэзіи и музыкѣ. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной чертѣ: именно объ отношеніи его къ религіознымъ вопросамъ; хотя Н. Н. Страховъ и интересовался религіозными вопросами въ высокой степени и быть

можетъ и правъ его цѣнитель и поклонникъ, который говоритъ, что религіозная идея была центральной въ мышленіи Н. Н. Страхова [1]), однако самъ Н. Н. Страховъ никогда прямо не высказывался о религіи и лишь косвеннымъ путемъ можно дѣлать заключенія о его отношеніи къ религіи. Н. Н. Страховъ былъ человѣкомъ крайне осторожнымъ, по возможности избѣгавшимъ всякихъ осложненій и недоразумѣній и посему, вѣроятно, и не высказывался о предметахъ религіи.

Припомнимъ теперь то время, когда Н. Н. Страховъ выступилъ въ литературѣ. Главныя идеи того времени, правда въ нѣсколько одностороннемъ освѣщеніи, легко подмѣтить изъ книгъ самого Н. Н. Страхова. Н. Н. Страховъ, въ которомъ анализъ значительно преобладалъ надъ творчествомъ, но который преклонялся передъ творчествомъ, гдѣ бы онъ его ни находилъ, конечно, могъ лишь съ негодованіемъ и презрѣніемъ смотрѣть на критику и литературу шестидесятыхъ годовъ. Хорошіе же порывы того времени, стремленіе къ идеалу, не могли быть оцѣнены Н. Н. Страховымъ, потому что онъ ясно понималъ, что кромѣ порывовъ ничего въ этой литературѣ нѣтъ и изъ нея ничего положительнаго выйдти не можетъ. Н. Н. Страховъ явился „единственнымъ трезвымъ среди пьяныхъ“, и весьма понятно, что его слова увѣщанія должны были показаться смѣшными и даже глупыми (какъ прямо называлъ ихъ, напримѣръ, Щедринъ) лицамъ, которыя были увѣрены, что имъ предстоитъ сломить все старое (въ идеальной, конечно, формѣ) и построить все на новыхъ основаніяхъ. Они не замѣчали, что ихъ критика должна была казаться дѣтскою всякому, кто не вѣрилъ въ ихъ миссію, и когда Н. Н. Страховъ очень ловко приводилъ ихъ слова къ основнымъ понятіямъ и результатамъ и показывалъ нелѣпость ихъ, то, конечно, долженъ былъ казаться человѣкомъ отсталымъ, вѣрующимъ, въ то, во что никто болѣе не вѣрилъ, и не вѣрующимъ въ прогрессъ.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить бо́льшій контрастъ въ умственномъ складѣ, чѣмъ тотъ, напримѣръ, который представляли собой Н. Н. Страховъ и Писаревъ. Идеалы, вкусы etc.—все у нихъ совершенно различно; Н. Н. Страховъ со своимъ поклоненіемъ Пушкину, Аксакову, съ любовью отдѣлывающій свои ясные, отчетливые періоды, долженъ былъ казаться смѣшнымъ критикамъ „Современника“. Преклоненіе Н. Н. Страхова передъ Гегелемъ и вообще передъ нѣмецкимъ идеализмомъ — казалось отсталостью, „переживаніемъ“ въ

[1]) *Вопросы философіи*, I, 4.

прогрессирующей литературѣ. И ко всему еще симпатіи къ славянофильству!

Этимъ различіемъ между стремленіемъ литературы въ 60-хъ годахъ и требованіями, которыя къ ней предъявлялъ Н. Н. Страховъ, объясняется его судьба, то-есть, долгій періодъ (первые двадцать лѣтъ литературной дѣятельности) насмѣшекъ и замалчиванія и наконецъ, постепенное пріобрѣтеніе, въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, вліянія, которымъ Н. Н. Страховъ по праву долженъ былъ бы давно уже пользоваться. Поворотъ въ общественномъ мнѣніи по отношенію къ Н. Н. Страхову совпадаетъ съ усиленіемъ консервативныхъ теченій со времени вступленія на престолъ императора Александра III; роковое событіе 1-го марта измѣнило теченіе русской общественной и политической жизни. Писатели, близкіе къ славянофиламъ, какъ, напримѣръ, Катковъ, или сочувствовавшіе славянофиламъ, какъ, напримѣръ, Страховъ, получили совершенно иное значеніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Направленіе внѣшней и внутренней политики совпало въ главнѣйшихъ чертахъ съ тѣми идеалами, которыми жилъ Н. Н. Страховъ, такъ что онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, оказался теоретическимъ выразителемъ тѣхъ философскихъ принциповъ, которые легли въ основу русской политической жизни. Но и въ этомъ отношеніи о Н. Н. Страховѣ слѣдуетъ сказать, что онъ старался не проявлять творчества (его творчествомъ была критика): онъ просто примкнулъ къ извѣстному направленію, которое пропагандировалъ, выяснялъ, защищалъ по мѣрѣ силъ. Въ политическомъ отношеніи выразителемъ идеаловъ Н. Н. Страхова явился Данилевскій, книгу котораго „Россія и Европа“ Н. Н. Страховъ, можно сказать безъ преувеличенія, заставилъ русское общество читать, указавъ на выдающіяся стороны этого труда. Послѣднее время Н. Н. Страховъ не могъ, конечно, жаловаться—и если онъ это дѣлалъ, то лишь по старой привычкѣ — на замалчиваніе, на отсутствіе читателей и т. д. Его книги стали расходиться, онъ пріобрѣлъ вліяніе въ кругу читающей молодежи и около него стали группироваться лица, считающія себя его учениками. Стали появляться статьи о Н. Н. Страховѣ совершенно уже иного характера, чѣмъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; появились прямо-таки апологіи, изъ которыхъ нѣкоторыя навѣрное не порадовали виновника ихъ. Думаю, что Н. Н. Страхову иныя похвалы были менѣе по сердцу, чѣмъ тѣ насмѣшки, которыя сыпались на него въ первую половину его литературной карьеры и къ которымъ онъ могъ относиться съ истинно философскимъ спокойствіемъ.

II.

Дѣятельность Н. Н. Страхова, богатая и многосторонняя, можетъ быть разсматриваема съ различныхъ сторонъ, а именно, его можно оцѣнивать и какъ ученаго и какъ литературнаго критика, какъ философа, какъ политическаго писателя, наконецъ какъ полемиста. Ранѣе всего мы остановимся на Н. Н. Страховѣ, какъ на философѣ.

Всѣхъ философовъ можно подраздѣлить на двѣ большія группы, имѣя въ виду не содержаніе ихъ философіи, а отношеніе ихъ къ этому содержанію, а именно: на философовъ-критиковъ, аналитиковъ и на философовъ строителей или синтетиковъ. Примѣромъ для первой группы въ чистомъ ея видѣ могутъ служить скептики, примѣромъ для второй группы—мистики; первые исходятъ изъ правильной мысли, что построеніе можетъ быть твердымъ только въ томъ случаѣ, ежели матеріалъ крѣпокъ и соблюдены всѣ законы строительнаго искусства. Но невозможность найдти подходящій матеріалъ и возвести изъ него стройное зданіе заставляетъ скептиковъ вовсе отказаться отъ построенія. Критика, часто, заканчивается или голымъ отрицаніемъ или же безъисходнымъ субъективизмомъ. Но и въ основѣ убѣжденій строителей мистиковъ находится здравая мысль. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что міръ есть система. Опытъ многихъ вѣковъ, безчисленнаго множества людей подтверждаетъ истинность нѣкоторыхъ научныхъ, частныхъ положеній; если и не всегда удается оправдать эти положенія въ самой глубинѣ ихъ принциповъ, все же научная истинность ихъ отъ этого не страдаетъ и нѣтъ повидимому основанія сомнѣваться въ томъ, что возможно построить воззрѣніе, объединяющее всѣ частныя положенія.

И вотъ начинается постройка системы, при чемъ основаніе ея недостаточно обосновано передъ свѣтомъ разума, покоится на вѣрѣ. Философы всѣхъ школъ и направленій примыкаютъ и заключаютъ въ себѣ въ большей или меньшей степени элементы этихъ двухъ указанныхъ направленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ несомнѣнное значеніе.

Въ Н. Н. Страховѣ были оба элемента, но въ различной степени, и проявились они съ различною степенью ясности. Онъ не былъ философомъ-строителемъ. Онъ не заботился о томъ, чтобы построить полную и стройную систему; но, конечно, его нельзя причислить и къ скептикамъ, онъ болѣе всего заботился о выясненіи основныхъ понятій, о постановкѣ вопросовъ, о критическомъ анализѣ категорій. Онъ началъ съ естествознанія и отъ него перешелъ къ философіи, при чемъ

идеаломъ знанія для него все-таки оставалось естествознаніе. Онъ дорожилъ болѣе всего всестороннимъ оправданіемъ нѣкоторыхъ простѣйшихъ законовъ физики, въ истинности которыхъ онъ несомнѣвался, понимая ихъ чисто раціоналистически. Философія ему служила скорѣе методологическимъ пріемомъ, какъ орудіе оправданія естественнонаучныхъ истинъ. Въ этомъ смыслѣ Н. Н. Страхова слѣдуетъ причислить къ философамъ аналитикамъ. Въ идеѣ ему представлялось возможнымъ построеніе системы съ оттѣнкомъ идеалистическаго пантеизма, но въ сочиненіяхъ его нѣтъ достаточнаго количества данныхъ, чтобы воспроизвести его міровоззрѣніе. Вполнѣ отчетливо выдѣляются его критическіе пріемы, анализъ понятій. выясненіе нѣкоторыхъ положеній, но изъ этого нельзя создать цѣльнаго міросозерцанія. Значеніе Н. Н. Страхова, какъ философа, заключается въ его критикѣ, въ томъ, что онъ отвергалъ, а не въ томъ, что онъ строилъ. Построеніе системы должно было казаться ему дѣломъ второстепенной важности, ибо онъ вѣрилъ, что истина найдена, что въ общихъ чертахъ ее можно найдти, напримѣръ, у Платона etc. etc.

Въ дальнѣйшемъ мы, руководствуясь его сочиненіями, постараемся изложить защищаемые Н. Н. Страховымъ принципы и выяснить пріемы его критики [1]).

Не всегда легко установить основныя понятія въ міросозерцаніи Н. Н. Страхова и это потому, что о религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ, занимающихъ весьма видное мѣсто въ его мышленіи, онъ не говорилъ или говорилъ лишь попутно, ad hoc.

Но нѣкоторыя черты тѣмъ не менѣе легко подмѣтить. Самъ онъ говоритъ о своемъ патріотизмѣ [2]), о своемъ органическомъ отвращеніи къ нигилизму [3]), о близости къ славянофильству [4]) и о своемъ по-

---

[1]) Изъ сочиненій Н. Н. Страхова мы, главнымъ образомъ, будемъ имѣть въ виду: „Міръ какъ цѣлое“, 2-е изд., С.-Пб. 1892, 8°; „Основныя понятія физіологіи и психологіи“, С.-Пб. 1894, 8°; „О вѣчныхъ истинахъ“, С.-Пб. 1887, 8°, „Философскіе очерки“, С.-Пб. 1895, 8°.

[2]) Достоевскій, I изд. 1883 г., I т., стр. 298. Съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствѣ безграничнаго патріотизма.

[3]) Ibid., стр. 235. „Могу сказать, что во мнѣ было постоянно какое-то органическое нерасположеніе къ нигилизму и что съ 1855 года, когда онъ сталъ замѣтно высказываться, я смотрѣлъ съ большимъ негодованіемъ на его проявленія въ литературѣ“.

[4]) Ibid., 205. Въ журналистику я вступилъ, сколько помню, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже лѣнью, и потому не принималъ большаго участія въ вопросѣ о направленіи. Мысль о новомъ направленіи, однако же, сперва занимала меня, особенно вслѣдствіе вліянія Ап. Григорьева; но очень скоро, можетъ быть,

клоненіи передъ корифеями нѣмецкаго идеализма: Гёте и Гегелемъ [1]). Указанныя отношенія нѣсколько уже опредѣляютъ положеніе Н. Н. Страхова. Прибавимъ этому его поклоненіе художественному творчеству Л. Н. Толстого, которое можетъ быть отчасти повліяло и на отношеніе къ религіозно-нравственнымъ сочиненіямъ Л. Н. Толстого. Славянофильство Н. Н. Страхова и его любовь къ естественнымъ наукамъ опредѣлили отношеніе его къ Н. Я. Данилевскому. Наконецъ, прибавимъ къ этому, что Н. Н. Страховъ считалъ себя, какъ критика, особенно близкимъ къ Аполону Григорьеву, первый томъ сочиненій котораго онъ издалъ. Изъ сказаннаго мы видимъ, какія различныя и трудно, повидимому, примиримыя симпатіи и начала жили въ умѣ и сердцѣ Н. Н. Страхова. Но Н. Н. Страховъ старался объединить различное, и это ему удавалось. Три главныя противорѣчія обращаютъ на себя наше вниманіе: славянофильство Н. Н. Страхова и поклоненіе его передъ наукой, философіей, вообще просвѣщеніемъ Запада; его религіозность, повидимому, вполнѣ догматичная, православная [2]), и поклоненіе передъ дѣятельностью Л. Толстого; наконецъ, мистическое настроеніе Н. Н. Страхова, влекшее за собою любовь къ пантеистической и идеалистической нѣмецкой философіи, и симпатія къ естествознанію.

III.

Изъ этихъ трехъ коренныхъ противуположностей въ натурѣ и мышленіи Н. Н. Страхова насъ должно занять главнымъ образомъ послѣдняя, и мы постараемся показать, что противорѣчіе тутъ только кажущееся, которое легко можетъ быть объяснено.

по своему нерасположенію къ неопредѣленности, я порѣшилъ, что нужно прямо признавать себя славянофиломъ, когда признаешь существенныя начала этого ученія". По отношенію къ власти Страховъ держался того же направленія, которое приписываетъ Достоевскому: стр. 228: „Въ отношеніи къ власти онъ всегда твердо стоялъ на той точкѣ, которая такъ ясна и тверда у всѣхъ истинно русскихъ людей. Онъ давалъ полную строгость своему сужденію, но откладывалъ всякую мысль о непокорности".

[1]) Достоевскій, I, стр. 273. „Что касается до меня, то я въ литературномъ отношеніи тоже принадлежалъ къ одному изъ направленій сороковыхъ годовъ, но еще болѣе старомъ, чѣмъ литературный кружокъ, о которомъ идетъ рѣчь, къ тому направленію, для котораго верхомъ образованія было понимать Гегеля и знать Гете наизустъ".

[2]) Такъ какъ Страховъ принимаетъ программу славянофиловъ цѣликомъ, то, вполнѣ естественно, говоритъ о его догматичной религіозности.

Самъ Н. Н. Страховъ указываетъ на двоякій источникъ своихъ воззрѣній: первый—математическія и естественныя науки, второй—Гегелевская философія и именно ея метода, которая и есть ничто иное, какъ полное выраженіе научнаго духа [1]). Итакъ діалектическая метода кажется Страхову выраженіемъ научнаго духа, тогда какъ именно въ ней обыкновенно видятъ выраженіе духа антинаучнаго, а въ эмпирическомъ методѣ, напротивъ, видятъ научный путь. Въ извѣстномъ смыслѣ Страховъ признаетъ значеніе эмпирическаго метода „Великая привлекательность эмпиризма состоитъ въ томъ, что каждый эмпирическій результатъ есть настоящее познаніе, такъ какъ предполагается, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего субъективнаго". Вотъ что далѣе говоритъ Н. Н. Страховъ объ эмпирическомъ методѣ: „Желая быть вполнѣ эмпирикомъ, я долженъ сказать себѣ: я не знаю, какіе есть вообще возможные способы познанія, какіе изъ нихъ выше, какіе ниже, но есть способъ познанія, который я хорошо знаю и котораго я намѣренъ держаться, именно опытъ. Я не намѣренъ ничего отрицать, ничему противорѣчить, не хочу ни въ какой области рѣшать, что возможно и что невозможно; я хочу только добыть всѣ тѣ результаты, которые можетъ дать мнѣ мое орудіе—опытъ". (Предисловіе къ переводу Тэна „Объ умѣ и познаніи)". „Чисто эмпирическіе результаты не противорѣчатъ и не могутъ противорѣчить никакому умозрительному изслѣдованію, если оно ведется съ совершенною строгостью. Но они безпощадно разбиваютъ всякое построеніе, какъ скоро оно основано на произволѣ и фантазіи" (ibid.) Страховъ увлекался естествознаніемъ, но въ немъ его привлекало не знаніе отдѣльныхъ фактовъ, а познаніе ихъ необходимой связи съ остальными; цѣль естествознанія представлялась ему какъ нѣкоторое возведеніе вещественнаго міра въ умственный. Такимъ образомъ Страховъ не видѣлъ различія между наукой и философіей, между научнымъ и философскимъ методомъ [2]). Эмпирическій методъ имѣетъ свое

---

[1]) Предисловіе къ „Міру какъ цѣлое" ст. V. „Источникомъ своихъ взглядовъ я считалъ, во-первыхъ, математическія и естественныя науки, которыми тогда занимался и истинный духъ которыхъ усвоилъ себѣ чтеніемъ, размышленіемъ и нѣкоторыми работами... Вторымъ источникомъ своихъ взглядовъ я считалъ Гегелевскую философію,—но не ея ученіе въ какомъ-либо опредѣленномъ видѣ, а только ея методу, которую признавалъ, какъ и теперь признаю, полнымъ выраженіемъ научнаго духа".

[2]) Въ отвѣтѣ на рецензію *Гражданина* 1873 г. № 26 ст. 740—744 Страховъ упрекаетъ своего рецензента въ томъ, что онъ не постарался доказать, а просто принимаетъ какъ вещь, само собою разумѣющуюся, что метода натуралистовъ и философская метода Гегеля несовмѣстимы.

значеніе, какъ нѣкоторая ступень, какъ подготовка къ философіи. Эмпиризмъ же какъ возведеніе эмпирическаго метода въ абсолютное направленіе—вотъ источникъ всего зла.

„Эмпиризмъ, отрицаніе умозрѣнія—вотъ разгадка всякихъ остановокъ и ненормальныхъ развитій. Нашъ вѣкъ хочетъ познавать, но упорно отказывается мыслить, какъ будто бы боясь, что мышленіе разрушитъ начала, на которыхъ онъ строитъ свою жизнь и возложитъ на него слишкомъ трудныя задачи и обязанности. Все значеніе моей книги состоитъ въ томъ, что она идетъ противъ эмпиризма, пытается вносить мышленіе въ пріемы изученія природы". (Міръ какъ цѣлое. Предисловіе ко второму изданію, стр. XIX). Этимъ и объясняется гегелизмъ Н. Н. Страхова—идеей раціональнаго естествознанія. Ежели вникнуть въ отношеніе Н. Н. Страхова къ Гегелю, то легко замѣтить, что не одинъ діалектическій методъ привлекалъ Страхова. Говоря о Гегелѣ, какъ о высшемъ выраженіи научнаго духа, Страховъ лишь отчасти имѣетъ въ виду діалектическій методъ, и въ гораздо бо́льшей степени самый духъ и сущность Гегелевской философіи, „Всеобщность есть необходимое условіе философіи. Кто не чувствуетъ недовѣрія къ философу, который понимаетъ только себя, только свои собственныя мысли и передъ которымъ все остальное мракъ и неразуміе. Полная система должна заключать въ себѣ смыслъ всѣхъ существовавшихъ системъ, должна быть ихъ довершеніемъ, ихъ развитіемъ, а не отрицаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ нужно питать какое-то презрѣніе къ человѣческому уму для того, чтобы представить, что онъ заблуждался до нынѣшняго дня—и только сегодня увидѣлъ истину, что философы, великіе представители ума, выдумали свою систему такъ, ни съ того ни съ сего и могли говорить вздоръ отъ первой страницы до послѣдней".—(Философскіе очерки стр. 12). „Гегель возвелъ философію на степень науки... и если его система должна бороться съ различными мнѣніями, то именно потому, что всѣ эти мнѣнія односторонни, исключительны, что они враждуютъ противъ Гегеля, а не Гегель противъ нихъ. (Ibid. стр. 13). Гегелевская система высшая, потому что она объединяетъ всѣ и каждой указываетъ мѣсто и роль въ нахожденіи истины. Объединенія Гегель достигъ „волшебнымъ словомъ"—развитіе, имъ впервые произнесеннымъ съ полнымъ пониманіемъ.—И такъ, вотъ въ какомъ смыслѣ возможно понимать гегелизмъ Н. Н. Страхова и его увлеченіе методой Гегеля. Если считать Н. Н. Страхова за представителя діалектическаго метода Гегеля, то пришлось бы спросить, въ чемъ же отразилась эта метода на образѣ

мышленія Страхова въ его сочиненіяхъ? Онъ самъ отвѣтилъ бы на вопросъ такъ: въ умѣніи ставить и развивать понятія. Онъ гегеліанецъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ его точки зрѣнія современное гегеліанство очевидно должно смотрѣть на гегеліанство сороковыхъ годовъ, какъ на überwundener Standpunkt, ибо новое должно искать сообразно съ вновь открытыми частными истинами и новаго объединенія; только самое требованіе объединенія новаго свѣтомъ всего предшествовавшаго развитія знанія и составляетъ самую сущность гегеліанства, которое такимъ образомъ есть ничто иное, какъ исторія развитія человѣческаго разума. Это Н. Н. Страховъ и высказалъ весьма ясно въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей. „Ищущій высшей и послѣдней философіи долженъ изучать фихте-гегелевскій идеализмъ и затѣмъ найдти отношеніе этого идеализма къ послѣдовавшей критикѣ и трудамъ послѣдовавшихъ мыслителей, расширять, измѣнять и отрицать, если нужно, его положенія, словомъ развивать его, если окажется у него на то силы. Но основы его сохранить придется, потому что если онъ и не есть сама философія, то во всякомъ случаѣ одно изъ дѣйствительныхъ воплощеній философіи. А по закону развитія въ каждомъ новомъ фазисѣ основы только раскрываются, уясняются, но не измѣняются“ [1]).

Но еще и въ иномъ болѣе тѣсномъ значеніи слова Н. Н. Страховъ признавалъ себя гегеліанцемъ и приверженцемъ діалектическаго метода. Разъясняя сущность опытнаго метода, Н. Н. Страховъ показываетъ, что апріорныхъ элементовъ въ такъ-называемыхъ опытныхъ выводахъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. „Опытъ ничего абсолютнаго доказать не можетъ: абсолютная истина принадлежитъ только апріорическому, только тому, что̀ можетъ быть доказано безъ опыта. Но опытные изслѣдователи часто думаютъ, что опытъ есть единственный источникъ истины, а потому есть источникъ всякой истины. Поэтому, они иногда приходятъ къ смѣшной попыткѣ доказывать опытомъ абсолютность какого-нибудь вывода. Въ этомъ случаѣ, когда берутся подтвердить на опытѣ то, чего никакой опытъ дать не можетъ, очевидно забываются границы опыта, и ему приписывается значеніе, котораго онъ не имѣетъ“ [2]). Н. Н. Страховъ постоянно указываетъ на тѣ апріорные элементы, тѣ категоріи, которые принадлежатъ нашему мышленію и примѣненіе которыхъ къ даннымъ

---

[1]) О задачахъ исторіи философіи. Фил. очерки, стр. 480.

[2]) Міръ какъ цѣлое, 2 изд. Стр. 485—486.

воспріятія создаетъ опытъ. Эти категоріи очевидно не случайны, и связаны между собой строеніемъ нашего мышленія, которое въ наукѣ проявляется очень ясно. „Каждая наука имѣетъ свою метафизику. то-есть она вноситъ въ свои изслѣдованія нѣкоторый апріорическій взглядъ на предметъ, которымъ она занимается,—она заранѣе опредѣляетъ сущность своего предмета и старается подтвердить это опредѣленіе, распространить его все дальше и дальше. Только такимъ или подобнымъ образомъ наука и можетъ двигаться впередъ, ибо движеніе безъ цѣли для ума невозможно.

Такимъ образомъ происходитъ, что такъ называемыя опытныя и наблюдательныя науки никогда не имѣютъ чисто опытнаго и наблюдательнаго вида, а всегда болѣе или менѣе облекаютъ свои результаты въ предвзятую форму... Но въ каждой наукѣ рано или поздно наступаетъ или должно наступить время, когда ея метафизика станетъ для нея недостаточною или стѣснительною. Именно,—современемъ окажется, что *сущность* вещей лежитъ гораздо *глубже*, чѣмъ какъ полагала a priori какая-нибудь наука. Въ такомъ случаѣ приходится бросить ея старую метафизику и внести въ нея новую, которая бы не стѣсняла ея движеній и открывала ей новые пути и задачи. Такъ это и дѣлается, при чемъ обыкновенно старая метафизика бываетъ упорно защищаема привыкшими къ ней учеными, а новая долгое время принимается за смѣлую гипотезу. Въ такихъ случаяхъ, для разрѣшенія споровъ и недоразумѣній, весьма полезно было бы изложить факты и выводы науки въ совершенно чистой опытной формѣ, такъ чтобы была устранена всякая метафизическая примѣсь, чтобы свидѣтельство опыта не заключало въ себѣ ничего апріорическаго... со времени Канта сущность метафизики обнаружилась, кажется, передъ нами до конца; мы можемъ узнать ее, какія бы видоизмѣненія она ни принимала, какъ бы она ни утончалась и ни пряталась. Поэтому можно ожидать, что настанетъ время, когда метафизика будетъ вовсе изгнана изъ наукъ, то-есть изъ нихъ будутъ изгнаны всякія попытки воплощать сущность вещей въ тѣ или другія частныя формы. Тогда апріорическій элементъ, эта душа каждой науки, будетъ имѣть видъ не метафизики, а *діалектики*“ [1]).

Мы выписали эти замѣчательныя мысли для того, чтобы показать, что Н. Н. Страховъ противуполагаетъ въ извѣстномъ смыслѣ мета-

---

[1]) Міръ какъ цѣлое. 2 изд. стр. 518—520.

физику діалектикѣ, и что подъ діалектикой онъ понимаетъ не совсѣмъ то, что разумѣлъ подъ этимъ названіемъ творецъ ея, Гегель. Метафизикой Н. Н. Страховъ называетъ предварительное опредѣленіе сущности предмета, которое должно уступить мѣсто иному опредѣленію, болѣе глубокому и правильному, а самый путь перехода отъ одного метафизическаго воззрѣнія къ другому, путь необходимый, обусловленный природою нашего мышленія, Н. Н. Страховъ называетъ діалектикой. „Діалектикой я называю", говоритъ онъ, „субъективную логику, то-есть науку въ которой мысль опирается только на самую себя, въ которой она излагаетъ всѣ свои законы и движенія и даетъ абсолютный методъ своего дѣйствія, заключающій въ себѣ всѣ другіе методы, какъ частные случаи" [1]).

Разъясняя природу діалектики, Н. Н. Страховъ настаиваетъ на слѣдующихъ положеніяхъ: „Мысль иначе относится къ себѣ самой, чѣмъ къ другимъ предметамъ, такъ какъ мысль сама себя мыслитъ.

Мысль сама собой управляетъ, то-есть свободно подчиняется своимъ внутреннимъ законамъ.

Невозможно разсматривать мысль на ряду съ объективными предметами.

Невозможно разсматривать міръ такъ, чтобы въ это воззрѣніе не входилъ такой (то-есть субъективный) взглядъ на мысль.

Но изъ этого взгляда слѣдуетъ, что возможна логика какъ наука чистой мысли" [2]).

Въ этомъ разъясненіи нѣтъ ни одной мысли, которая спеціально могла бы быть приписана Гегелю и не раздѣлялась бы равномѣрно всѣми представителями нѣмецкаго идеализма и даже, болѣе, идеализма вообще. Этого опредѣленія діалектики, даннаго въ 1866 г., Н. Н. Страховъ держался и въ концѣ своей жизни. Въ 1893 г. онъ пишетъ: „Что такое логика Гегеля? Это такая же таблица категорій, какъ у Канта, но расширенная и доведенная до полноты. Кантъ взялъ свои категоріи изъ формальной логики, какъ нѣчто данное, Гегель же уже считалъ для себя яснымъ самый принципъ образованія категорій, ихъ отношеній и распаденій, и потому составилъ полную и стройную ихъ систему. Задача Канта была рѣшена въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ онъ ее поставилъ". И далѣе: „Для опытнаго глаза по нѣсколькимъ страницамъ видно, умѣетъ-ли авторъ ста-

---

[1]) Главная черта мышленія. Философ. очерки, стр. 114.

[2]) Тамъ-же, стр. 122.

вить и развивать понятія, идетъ-ли его мысль діалектически или же не имѣетъ опредѣленнаго пути“ [1]).

Изъ приведенныхъ выписокъ ясно, что Н. Н. Страховъ, который чрезвычайно высоко цѣнилъ правильное, методичное мышленіе, видѣлъ въ апріористическомъ элементѣ „душу каждой науки“, что эмпирическому методу онъ постоянно напоминалъ о необходимомъ присутствіи въ немъ апріорныхъ элементовъ, что подъ діалектикой, въ которой онъ видѣлъ правильный путь развитія человѣческаго ума (иногда просто „опредѣленный путь“), онъ не разумѣлъ въ спеціальности гегелевской діалектики, а методологическое направленіе, свойственное всему нѣмецкому идеализму вообще; и наконецъ, если онъ и упоминалъ о гегелевской діалектикѣ—никогда впрочемъ, не вдаваясь въ болѣе детальное ея разсмотрѣніе—то только потому, что въ ней видѣлъ весьма удачный примѣръ осуществленія „субъективной логики“.

Итакъ и въ этомъ второмъ отношеніи Н. Н. Страховъ былъ гегеліанцемъ не въ смыслѣ ученика, принимающаго всѣ положенія учителя, готоваго jurare in verba magistri, но въ смыслѣ послѣдователя, совершенно свободно относящагося къ своему единомышленнику.

Но въ Страховскомъ міросозерцаніи была еще одна черта, которая его сближала съ Гегелемъ и ставила къ нему въ болѣе близкую связь, чѣмъ методологическія соображенія, и то обстоятельство, что гегелизмъ объединялъ собой все предшествовавшее развитіе философіи,—черта, которую Н. Н. Страховъ не подчеркивалъ, но которая играла существенную роль.

Одинъ изъ критиковъ [2]), близко стоявшій къ Н. Н. Страхову, указалъ, какъ намъ кажется совершенно правильно, на то, что религіозные интересы составляютъ центральную точку въ міросозерцаніи Н. Н. Страхова. Онъ ихъ не выставлялъ на показъ и говорилъ о религіи только гдѣ это было неизбѣжно. Въ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ на Аѳонъ читатель только по тону совершенно объективнаго описанія догадывается о настроеніи автора. Въ статьяхъ, написанныхъ въ защиту Л. Н. Толстого, въ поясненіи его религіозныхъ сочиненій, яснѣе всего обнаруживается интересъ Н. Н. Страхова къ церковной и религіозной жизни. Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ „Фран-

---

[1]) Философ. очерки, стр. 471—472.

[2]) *Розановъ*, „Вопросы философіи“. Книжка 4, второй отдѣлъ, стр. 13.

цузской статьи (г. Вогюэ) о Л. Н. Толстомъ". „Почему же этотъ процессъ, приведшій великаго художника къ Богу, почему онъ не встрѣчаетъ полнаго сочувствія со стороны французскаго критика. Это сомнѣніе, это исканіе—что можетъ быть естественнѣе? Не тѣмъ ли и поражаетъ насъ Толстой, что величайшая пытливость и серьезность чувствуется во всемъ, что онъ ни изображаетъ. Эти рыданія алчущаго сердца, которыя подслушалъ критикъ въ картинахъ, написанныхъ съ такой несравненной яркостью и пылкостью, ужели это не законное явленіе человѣческой души, не лучшій ея откликъ на все, что она испытываетъ въ жизни? И наконецъ, порывъ къ Богу есть, безъ сомнѣнія, единый правильный исходъ изъ всей борьбы (стр. 461)... Вмѣсто того, чтобы въ новомъ появленіи (то-есть, въ религіозномъ творчествѣ Толстого) увидѣть жизненность и силу этого элемента души, вмѣсто того, чтобы съ жадностью слѣдить за новымъ раскрытіемъ этого элемента, мы напередъ рѣшаемся ничего не видѣть, кромѣ того, что давно уже знаемъ. Еще хуже: мы не знаемъ и не хотимъ хорошенько знать этого стараго, но напередъ вѣримъ, что оно навсегда пережито человѣчествомъ, навсегда уже мертво, а потому и самое живое совершенное явленіе признаемъ по аналогіи мертворожденнымъ"... „Наши понятія о христіанствѣ такъ съузились, что мы не опознаемъ его, когда оно является намъ не вполнѣ въ привычныхъ формахъ, что мы не умѣемъ представить себѣ, какъ оно можетъ превышать всякій буддійскій и обще-арійскій духъ, не потому, что отрицаетъ ихъ безусловно, а потому, что объемлетъ ихъ собою и доводитъ до настоящей полноты и опредѣленности... Мы ищемъ религіи, Европа ее ищетъ; мы чувствуемъ эту глубочайшую потребность и ждемъ, что откуда-то придетъ восполненіе этого мучащаго насъ недостатка, что оно должно когда-нибудь придти, что такъ жить, какъ мы теперь живемъ, нельзя. Говоря образно, но совершенно опредѣленно, это можно выразить такъ: мы ищемъ Бога и не находимъ Его; Богъ отъ насъ скрылся, и мы въ тоскѣ ждемъ, когда Онъ вновь намъ откроется... Не Богъ скрылся отъ насъ, а мы упорно отворачиваемся отъ Бога. Еслибы не это упорство, то мы легко нашли бы Его, потому что Онъ вездѣ и всегда. И еслибы мы сколько-нибудь знали путь къ Богу, то для насъ открылась бы великая поучительность во всѣхъ религіозныхъ формахъ, въ которыя человѣчество облекало и облекаетъ свое вѣковѣчное стремленіе. Тогда и мистицизмъ, лучшій цвѣтъ этого стремленія, не пугалъ бы насъ, и можетъ быть мы согласились бы съ давнишнимъ положеніемъ, что

всякій истинный христіанинъ есть мистикъ (иногда безсознательный), хотя бы при этомъ отвергали обратное положеніе, по которому и всякій мистикъ (сознательный) есть истинный христіанинъ" (477—481). Въ этихъ мысляхъ, высказанныхъ по поводу Л. Н. Толстого, Страховъ, конечно, главнымъ образомъ желаетъ изобразить смутное настроеніе современнаго образованнаго общества, но въ нихъ ясно видно и настроеніе самого автора. Онъ сочувствуетъ стремленію Л. Н. Толстого, онъ убѣжденъ, что стремленіе къ божеству и лучшій цвѣтъ его, мистицизмъ, составляютъ самый важный элементъ человѣческой души, а самое важное дѣло для человѣка и мыслителя состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за новымъ раскрытіемъ этого элемента, за новымъ появленіемъ порыва къ божеству. Всѣ религіозныя формы, въ которыя человѣчество облекло свое вѣковѣчное стремленіе, имѣютъ великую поучительность, ибо представляютъ собою путь, которымъ человѣчество приближалось въ своемъ познаніи къ Богу. Это та же самая мысль по отношенію къ религіознымъ формамъ, на которую мы уже указали нѣсколько ранѣе въ примѣненіи къ философскимъ ученіямъ. И здѣсь, очевидно, Н. Н. Страховъ представляетъ себѣ возможность нѣкотораго объединенія религіознаго сознанія при посредствѣ идеи развитія, какъ и въ сферѣ философіи. Жизнь религіи, сущность которой заключается въ мистикѣ, и состоитъ въ этомъ развитіи, а самое страшное для религіи это равнодушіе, индифферентизмъ, поэтому Н. Н. Страховъ говоритъ о Толстомъ: „Еслибы онъ даже впалъ въ ересь, то это было бы въ тысячу разъ лучше, чѣмъ то мертвенное равнодушіе и отчужденіе, съ которымъ мы относимся къ религіи". „Православной богословской науки вообще еще не начиналось", говоритъ Н. Н. Страховъ словами Гиляров-Платонова, но въ то же самое время онъ увѣренъ, что „религія есть дѣйствительная душа нашего народа и святой человѣкъ—его высшій идеалъ". Но кому не напрашивается сравненіе этихъ мыслей съ нѣмецкимъ идеализмомъ и въ особенности съ Гегелевской философіей [1]).

Всѣ представители нѣмецкой философіи: Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель получили богословское воспитаніе и отъ богословія перешли къ философіи, теологическій элементъ въ ихъ мышленіи

[1]) О вѣчныхъ истинахъ, стр. 256. „Есть старинное ученіе, что та же дверь, которая ведетъ въ глубину нашего сердца, ведетъ и въ область божественныхъ силъ".

игралъ весьма важную роль, сущность религіи они точно также видѣли въ мистицизмѣ; главное стремленіе ихъ состояло въ томъ, чтобы сочетать раціоналистическое познаніе съ мистической интуиціей. Гегелевская система представляетъ наиболѣе смѣлое и совершенное сочетаніе раціонализма и мистицизма и въ этомъ отношеніи служила Н. Н. Страхову какъ бы примѣромъ удачнаго рѣшенія той задачи, которая и ему представлялась наиболѣе важной и существенной въ жизни.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что связь между мышленіемъ Н. Н. Страхова и гегелевской философіей многообразная, но не слишкомъ тѣсная. Н. Н. Страховъ видѣлъ въ Гегелѣ завершеніе, объединеніе всего философскаго движенія, въ діалектическомъ методѣ онъ видѣлъ попытку систематизаціи апріорныхъ элементовъ мышленія, наконецъ, по основному настроенію, по стремленію сочетать религіозный мистическій элементъ со строгой теоріей, съ разумомъ, у Н. Н. Страхова было много общаго съ Гегелемъ, вотъ почему онъ могъ себя называть гегеліанцемъ, намъ же слѣдуетъ считать его приверженцемъ нѣмецкой идеалистической философіи вообще, а не гегеліанцемъ въ спеціальности. „Нѣмецкій идеализмъ", говоритъ Н. Н. Страховъ „порожденъ не только англійскимъ мистицизмомъ, но и реформаціей, не только догматизмомъ Декарта, Спинозы и Лейбница, но и великой революціей, онъ есть полнѣйшее проявленіе новой исторіи, новаго европейскаго духа" [1]). Этими словами Н. Н. Страховъ указалъ и на объединяющую роль нѣмецкой философіи, и на соединеніе въ ней религіознаго элемента съ раціоналистическимъ.

IV.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть раціонализмъ и мистицизмъ Н. Н. Страхова. Первые элементы, то-есть, раціоналистическіе, указать гораздо легче, чѣмъ вторые, о которыхъ онъ говоритъ лишь попутно, въ то время какъ первые онъ подробно разбираетъ. О вторыхъ элементахъ рѣчь идетъ тамъ, гдѣ Н. Н. Страховъ упоминаетъ о границахъ раціонализма. Страхову пришлось вести три крупныхъ полемики: со спиритами, съ дарвинистами, и съ противниками славянофильства; у него повидимому были всѣ данныя для того, чтобы вести правильную полемику, онъ интересовался только предметомъ спора,

---

[1]) О методѣ естественныхъ наукъ, стр. 75.

старался понять своего противника, не приписывать противнику мнѣній, ему не принадлежащихъ, старался схватить существенное въ возраженіяхъ, опуская мелочи, личное; онъ считалъ полемику дѣломъ полезнымъ и важнымъ—„полемика есть прежде всего діалектика“, и все-жъ къ концу своей жизни онъ вѣроятно разочаровался въ полемикѣ и убѣдился, что она рѣдко ведетъ къ выясненію истины. Полемика Н. Н. Страхова съ Бутлеровымъ и проф. Вагнеромъ изъ-за спиритизма-для насъ особенно интересна, ибо раціонализмъ Н. Н. Страхова въ ней обнаруживается съ полной ясностью. На спиритизмъ Страховъ смотритъ чрезвычайно серьезно. „Это полный и величайшій переворотъ въ человѣческихъ познаніяхъ, во всемъ развитіи человѣчества, переворотъ, обѣщающій устранить, наконецъ, тотъ разладъ въ понятіяхъ и стремленіяхъ, отъ котораго мы такъ мучительно страдаемъ“ [4]). Но, конечно, спиритизму не удастся устранить этого разлада, ибо „невозможно принять новыхъ познаній, не отрицая старыхъ“; „оказалось, что наши науки тверже и совершеннѣе, чѣмъ думаютъ спириты, ... и если въ насъ не угаснетъ жажда иныхъ понятій, то намъ, очевидно, нужно искать другаго источника для ея утоленія“... „Насъ неудовлетворяетъ подведеніе явленій подъ раціональныя формы, и мы враждуемъ противъ мысли о полной раціональности мысли. Но гдѣ искать выхода? Никакого выхода изъ раціонализма не можетъ существовать внутри самого раціонализма... На пути знанія поворотъ невозможенъ... нужно отказаться отъ своихъ желаній или отказаться отъ самой науки... Все дѣло въ томъ, чтобы найдти нѣкоторую другую пищу для ума, не нужно отказываться отъ науки или пытаться ее разрушить и передѣлать, а слѣдуетъ научиться отъ одной умственной дѣятельности переходить къ нѣкоторой другой, очевидно, высшей. Если мы найдемъ пріемы этой новой дѣятельности, опредѣлимъ ея связь и всѣ отношенія къ научнымъ формамъ мысли, то эти формы не только не будутъ намъ мѣшать, но будутъ даже способствовать удовлетворенію глубочайшихъ запросовъ нашей души“... „Одно познаніе по существу дѣла не должно мѣшать другому; закрывая по временамъ глаза, мы не только не имѣемъ нужды отказываться навсегда отъ зрѣнія, а напротивъ, только въ живомъ воспріятіи свѣта можемъ найдти полное удовлетвореніе своей жажды созерцанія“... „Горе намъ, если мы вообразимъ, что раціонализмъ есть единственное истинное познаніе, и что мы будемъ

[4]) О вѣчныхъ истинахъ, стр. XXVIII.

Историческая

тѣмъ мудрѣе, чѣмъ крѣпче станемъ закрывать глаза". Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что Н. Н. Страховъ признаетъ два рода познанія: раціональное, и второй родъ, который мы можемъ назвать интуитивнымъ; раціональное познаніе относится къ внѣшнему объективному міру, въ которомъ оно отыскиваетъ связь и форму явленій; установка этой связи зависитъ отъ апріорныхъ понятій, отъ категорій, свойственныхъ нашему разуму. Интуитивное познаніе покажетъ намъ душу явленій, ихъ глубокую жизнь и силу. Недостаточность раціональнаго познанія и граница его показаны очень ясно, менѣе опредѣленно описаны свойства интуитивнаго познанія. Въ спорѣ со спиритами Н. Н. Страховъ защищаетъ весьма ясную и отчетливую точку зрѣнія раціонализма. Онъ хочетъ только „дать почувствовать, что есть и мгоутъ быть физическія истины несомнѣнныя, какъ аксіомы математическія, и что слѣдовательно, говоря о вещественныхъ явленіяхъ, мы въ извѣстныхъ случаяхъ можемъ совершенно точно различить возможное отъ невозможнаго" Это защита раціонализма противъ научнаго нигилизма, съ которой мы встрѣчались уже раньше. „Еслибы всѣ наши истины были только обобщенными фактами, только эмпирическими истинами, тогда дѣйствительно все было бы возможно? Наука имѣетъ непреложныя истины, но наука не объемлетъ того, что для насъ всего важнѣе, всего существеннѣе, не объемлетъ жизни. Внѣ науки находится главная сторона нашего бытія, то, что составляетъ нашу судьбу, то, что мы называемъ Богомъ, совѣстью, нашимъ счастьемъ и достоинствомъ. Все это не гдѣнибудь далеко отъ насъ, не за предѣлами звѣздъ, а все это вокругъ насъ прямо передъ нами, во всемъ этомъ мы движемся и существуетъ какъ въ прямой стихіи нашей жизни. Потому не только созерцаніе этихъ предметовъ въ дѣйствительности, не только высокія отраженія ихъ у великихъ мыслителей и художниковъ, а даже иной плохой романъ, иная грубо придуманная сказка могутъ заключать въ себѣ болѣе общедоступный и сильный интересъ, чѣмъ превосходнѣйшій курсъ физики или химіи". „Положенія науки вполнѣ или отчасти формальныя, которыя потому и справедливы всегда и безусловно, что не захватываютъ собой сущности вещей" (стр. 57). Сущность вещей—духовное начало, оно не есть физическая сила, духъ и физическая сила суть понятія несоизмѣримыя, не имѣющія ничего общаго. „Съ успѣхами естественныхъ наукъ мы все больше и больше узнаемъ, что такое духъ не есть" (стр. 127).

Итакъ, въ сочиненіи „О вѣчныхъ истинахъ" Страховъ поста-

рался выяснить природу раціонализма въ духѣ гегелевской философіи, показать, что постепенное открытіе такихъ вѣчныхъ истинъ есть непремѣнный элементъ каждой науки. Онъ указалъ также и на границу раціонализма, но втораго пути, ведущаго къ постиженію духовнаго начала онъ не разъяснилъ, это составляетъ задачу другаго его труда: „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи".

Для выясненія природы духа и познанія его Страховъ беретъ знаменитое Декартовское положеніе cogito ergo sum и толкуетъ его. Въ разсужденіяхъ Декарта, истинность которыхъ нашъ авторъ признаетъ, онъ видитъ однако „не какой либо окончательный выводъ или же готовое ученіе, а только чрезвычайно ясную и отчетливую ступень, черезъ которую долженъ пройдти каждый, кто разсуждаетъ о душѣ (стр. XIII). Вещество есть чистый объектъ, то-есть, нѣчто вполнѣ познаваемое, но ни мало не познающее, духъ напротивъ есть чистый субъектъ, то-есть, нѣчто познающее, но недоступное объективному познанію, духъ не имѣетъ въ себѣ ничего внѣшняго, въ немъ все внутреннее, субъективный и объективный міры строго разграничены, но второй служитъ для выраженія перваго (стр. 29). Только чисто объективный міръ есть настоящее поприще человѣческаго познанія (стр. 34); но и психическія явленія могутъ быть объектированы, слѣдовательно они могутъ составить предметъ нѣкоторой науки, то-есть, эмпирической психологіи. Самая существенная черта психическихъ явленій состоитъ въ раздвоеніи каждаго изъ нихъ на субъектъ и объектъ. Это раздвоеніе мы называемъ сознаніемъ" (стр. 57). Наше я—субъектъ, который никакъ и никогда не можетъ стать объектомъ; эмпирическая психологія ошибается, подводя наше я подъ то понятіе, подъ которымъ разсматриваетъ всѣ другія изслѣдуемыя ею явленія, то-есть, подъ понятіе идеи, представленія. Благодаря этому невозможна теорія познанія: „Всѣ такъ называемыя теоріи познанія въ концѣ концовъ приходятъ къ отрицанію того понятія, которое они хотятъ построить и объяснить. Именно всѣ онѣ стремятся объективировать процессъ познанія, объективировать его совершенно такъ, какъ само познаніе объективируетъ другіе процессы и явленія. Но объективировать объективацію невозможно по самой сущности дѣла, точно такъ какъ глазъ не можетъ видѣть самого себя, какъ нельзя видѣть свѣта, если свѣтъ есть именно то единственное средство, помощью котораго мы видимъ. Многія попытки создать теорію познанія можно вполнѣ уподобить тому, какъ если бы живописецъ задумалъ написать картину, которая сама бы себя видѣла" (стр. 74 —

75). „Какъ тѣ, которые пытаются построить познаніе изъ объективированныхъ душевныхъ явленій, напримѣръ, изъ ощущеній... ни къ чему не придутъ кромѣ субъективизма, который въ сущности есть отрицаніе познанія(?). Какія бы явленія внутренняго міра мы ни взяли, и какъ бы мы ихъ ни комбинировали, мы все-таки останемся во внутреннемъ мірѣ, который, какъ мы знаемъ, есть нѣчто пустое и ложное по отношенію къ дѣйствительности“ (стр. 76). Реальность чувствъ состоитъ въ томъ, что они пріятны и непріятны, и это свойство не можетъ быть объективировано. Воля тоже объективирована быть не можетъ „изъ всѣхъ чертъ душевной жизни воля наименѣе доступна объективаціи“ [1]) (стр. 82). „Итакъ истина, благо и свободная дѣятельность суть понятія, стоящія выше объективныхъ формъ познанія, требующія какъ бы особаго рода мышленія и въ тоже время непрестанно намъ присущія, составляющія главное содержаніе нашей духовной жизни“. Этихъ понятій ни откуда нельзя вывести. „Жизнь души есть для насъ непосредственнѣйшая дѣйствительность. Самое важное въ психологіи это различіе между субъектомъ и объектомъ и далѣе различіе между субъективнымъ и реальнымъ значеніемъ явленій, и кто не понялъ этого различія какъ слѣдуетъ, тотъ, сколько бы ни разсуждалъ, будетъ мыслить и говорить лишь о вещахъ касающихся души, но не о самой душѣ“.

Мы достаточно подробно, при томъ словами самого Страхова, изложили его основныя понятія психологіи. Теперь мы можемъ сдѣлать нѣкоторые выводы, долженствующіе характеризовать философію Н. Н. Страхова. Припомнимъ, что Страховъ различаетъ двоякое познаніе: раціональное и то, которое мы назвали интуитивнымъ; первое устанавливаетъ формы и связь явленій, оно апріорно и совершенно формально, въ немъ не отражается сущности бытія, но въ тоже время оно и есть настоящее познаніе; объектъ его — внѣшній міръ. Очевидно, однако, что оно призрачно; Страховъ усердно указывалъ на границу раціонализма, на неудовлетворительность его, и слѣдовательно мы вправѣ ожидать, что интуитивное познаніе намъ дастъ, наконецъ, не явленіе, а дѣйствительное, настоящее бытіе. Хотя между раціональнымъ познаніемъ и интуиціей и существуетъ разница и даже въ извѣстномъ смыслѣ противуположность (феноменальнаго и ноуменальнаго), но Страховъ

---

[1]) Непонятно, какъ это почтенный философъ въ небытіи нашелъ еще степени сравненія. Вѣдь всѣ явленія сознанія неспособны, по его мнѣнію, къ объективаціи—тутъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи о большемъ и меньшемъ.

оговаривается, настаивая на томъ, что это только двѣ ступени одного и того же познанія, которое, слѣдовательно, можетъ быть объединено; послѣ всего этого мы вправѣ ожидать разъясненій относительно того, какъ понимаетъ Страховъ интуицію. И что же мы узнаемъ? Мы узнаемъ, что психическія явленія въ извѣстномъ смыслѣ могутъ быть объектированы и слѣдовательно могутъ быть познаны, но что субъектъ, наше я, наше сознаніе, есть то, что никакъ и никогда не можетъ быть объектомъ, и слѣдовательно не можетъ быть и познано; что къ нему непримѣнимы никакія категоріи внѣшняго міра. „Жизнь души есть непосредственнѣйшая дѣйствительность“. Этимъ и исчерпывается все наше познаніе о дѣйствительности, о реальномъ бытіи. Это положеніе невольно вызываетъ критику. Неужели же всѣ попытки построенія теоріи познанія ни къ чему не приведутъ? — Вѣдь это осужденіе всей новѣйшей философіи и главнымъ образомъ того направленія, приверженцемъ котораго считаетъ себя самъ Страховъ. И это потому, что субъектъ никогда не можетъ быть объектомъ? Да зачѣмъ же субъекту становиться объектомъ, это конечно не мыслимо и не нужно. Но не можетъ ли субъектъ стать *объектомъ познанія*? Не впадаетъ ли нашъ авторъ самъ въ объективацію, когда выставляетъ свое отрицательное положеніе, противуполагая субъектъ объекту, какъ два равноправныхъ начала; естественно представлять себѣ объектъ, какъ познаваемый міръ, а субъектъ, какъ міръ непознаваемый, то-есть, противуполагать два равноправныхъ, хотя и различныхъ міра; между тѣмъ нѣмецкая идеалистическая школа не напрасно утверждала, что субъектъ есть дѣятельность, а объектъ ея результатъ; здѣсь нѣтъ равноправности и противуположности; нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, чтобы субъектъ, какъ дѣятельность, сталъ бы предметомъ нашего познанія; хотя само собою разумѣется, что субъектъ не можетъ быть познанъ какъ предметъ, какъ результатъ дѣятельности, ибо онъ вовсе не есть предметъ, а — дѣятельность. Не впалъ ли Страховъ въ ту ошибку, относительно которой онъ самъ такъ часто предостерегалъ читателей, то-есть, не подвелъ ли онъ субъектъ подъ категорію, подъ которую его подвести нельзя. Субъектъ есть дѣятельность (само собою разумѣется не физическая сила или физическая дѣятельность) и дѣятельность субъекта можетъ быть всецѣло познана.

По представленію Страхова въ результатѣ познанія должна оставаться непознаваемая сущность можетъ быть тожественная съ непознаваемымъ субъектомъ, а можетъ быть и отличная отъ него — объ

этомъ авторъ ничего не говоритъ. Внѣшній міръ познается нами только формально, слѣдовательно самая сущность его остается непознанной, субъектъ же, въ которомъ заключается дѣйствительность, не можетъ быть познанъ, а лишь пережитъ, непосредственно созерцаемъ. Въ этомъ противуположеніи субъекта объекту, феноменальнаго міра—реальному кроется зародышъ дуализма, который Страховъ могъ бы устранить, сославшись на тожество непознаваемаго въ объективномъ мірѣ и не могущаго стать объектомъ, но непосредственно созерцаемаго въ субъектѣ; въ такомъ случаѣ Страховъ долженъ былъ бы устранить дуализмъ и въ своей теоріи познанія. Нельзя было ссылаться на то, что всякая теорія познанія представляетъ собой безнадежное предпріятіе, когда различаешь двоякаго рода познаніе, то-есть, когда самъ даешь основы теоріи познанія. А въ какомъ же отношеніи стоитъ интуиція къ раціональному познанію? Гдѣ границы того и другаго? Страховъ говоритъ только, что это ступени одного познанія; но вѣдь въ болѣе подробномъ (хотя все жъ далеко не достаточно подробномъ) описаніи этихъ родовъ познанія выходитъ, что они противуположны на столько же, на сколько противуположны внѣшній и внутренній міръ, и какъ ихъ соединить въ одно цѣлое—этого невидно. Вѣдь очевидно, что и въ разумномъ познаніи интуиція играетъ роль, а въ интуиціи можетъ быть есть элементы мыслительной дѣятельности. Гельмгольцъ, напримѣръ, котораго Страховъ такъ высоко цѣнитъ, показалъ, что воспріятія нельзя понять, не допустивъ въ немъ элементовъ сужденія. Все это остается у Страхова невыясненнымъ; можетъ быть онъ считалъ излишнимъ выясненіе подробностей, придавая значеніе лишь общей постановкѣ вопроса и самымъ общимъ положеніямъ, но это слѣдуетъ признать недостаткомъ въ томъ случаѣ, ежели между общими принципами неустановлено согласія или не указанъ по крайней мѣрѣ путь, какимъ образомъ такое согласіе можетъ быть установлено.

Изъ двухъ элементовъ, указанныхъ и разсмотрѣнныхъ нами, раціонализма и мистицизма, первый разработанъ полнѣе, чѣмъ второй. Страховъ съ любовью останавливается на ходѣ развитія наукъ, на методахъ, на анализѣ понятій и лишь очень поверхностно описываетъ характеръ созерцательнаго познанія. Очевидно, что здѣсь тѣснѣйшая связь между этимъ пробѣломъ въ теоріи познанія и отношеніемъ Страхова къ религіознымъ вопросамъ, о которомъ мы упомянули. Религія чрезвычайно его интересовала, но о религіозныхъ вопросахъ онъ не писалъ, не потому ли, что въ дѣйствительности раціонализмъ

въ Страховѣ господствовалъ надъ мистицизмомъ, что мистицизмъ былъ для него областью, которую онъ хорошо понималъ и цѣнилъ, но въ которой онъ чувствовалъ свое безсиліе. Эта область, столь тѣсно связанная со всякимъ истиннымъ творчествомъ, была предметомъ постояннаго вниманія и тщательнаго изслѣдованія Страхова, поэтому то онъ такъ чутко слѣдилъ за всякими новыми движеніями въ жизни образованныхъ людей востока и запада—но зналъ, что здѣсь пріемы аналитическаго мышленія не примѣнимы, что готовый результатъ можно, конечно, разлагать на части, устанавливать связь ихъ съ другими элементами; но что самое *возникновеніе*, само творчество ускользаетъ отъ анализа. Пріемовъ, съ которыми въ этомъ случаѣ нужно приступать къ дѣлу, онъ не описалъ.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР